

Десять баллов по шкале Мооса

Надёжность и твёрдость характера Вячеслава Сурганова оценили в разные годы геологи и политики

Андрей ДУНЯШИН

В политику Вячеслав Сергеевич шагнул из геологии, долгие годы он успешно руководил трестом «Уралцветметразведка». Жизнь не раз испытывала его на излом. Еще в студенческие годы на практике, спустившись в рудник, попал под обвал, но к счастью, уцелел. Позже, уже работая в Полевской геологоразведочной партии, пять суток не покидал буровую, пока на ней ликвидировали последствия аварии. Да и депутаты не раз проверяли Вячеслава Сурганова на крепость и выдержку. У геологов есть шкала твёрдости минералов, известная также как шкала Мооса. Самые твердые получают десять баллов. Мне кажется, характер Вячеслава Сергеевича тоже на десять баллов.

Вячеслав Сергеевич, ваша трудовая биография четко делится на две части. Сначала занимались геологией, потом политикой. А сейчас кем больше себя ощущаете?

— Теперь мне трудно разделить две эти ипостаси. Геолог я, можно сказать, по рождению: отец работал на разных должностях в геологоразведке. И я вырос в атмосфере его разговоров с коллегами о породах, буровых установках, тех или иных рудных проявлениях. Так что будущее мне было на роду написано.

А вот в политику пошёл не от хорошей жизни. После горбачёвской пятилетки стало очевидно, что страна катится в пропасть. Надо было что-то делать, но никто не знал, что это именно. Тогда коллеги, знакомые верхнепышминцы стали подталкивать меня к депутатской деятельности. Время потянуло. Я чувствовал, что мы на пороге роковых событий. Сейчас, когда вспоминаешь, когда остаешься один на один с собой, становишься жутко: как мы это пережили, как преодолели.

Когда меня избрали председателем Горсовета, в Верхней Пышме накопилось столько проблем... Трудно сейчас назвать все. КПСС еще существовала, но реальная власть уже не имела. Я посчитал, что ответственность за принимаемые решения должна быть персональной. Тогда мы упродумали исполком на сессии городского Совета. Верхняя Пышма стала, по-моему, первым городом в стране, где состоялась реорганизация власти. За все отвечал председатель Совета, то есть я. Этот шаг себя оправдал. И я могу честно смотреть в глаза верхнепышминцам — я их не подвёл. Тогда же стал народным депутатом РСФСР. Так началась моя политическая карьера.

Сейчас мэры городов клянутся, что будут чинить трубы, вывозить мусор и закладывать дороги, не отвлекаясь на политику. А тогда без неё было никуда?

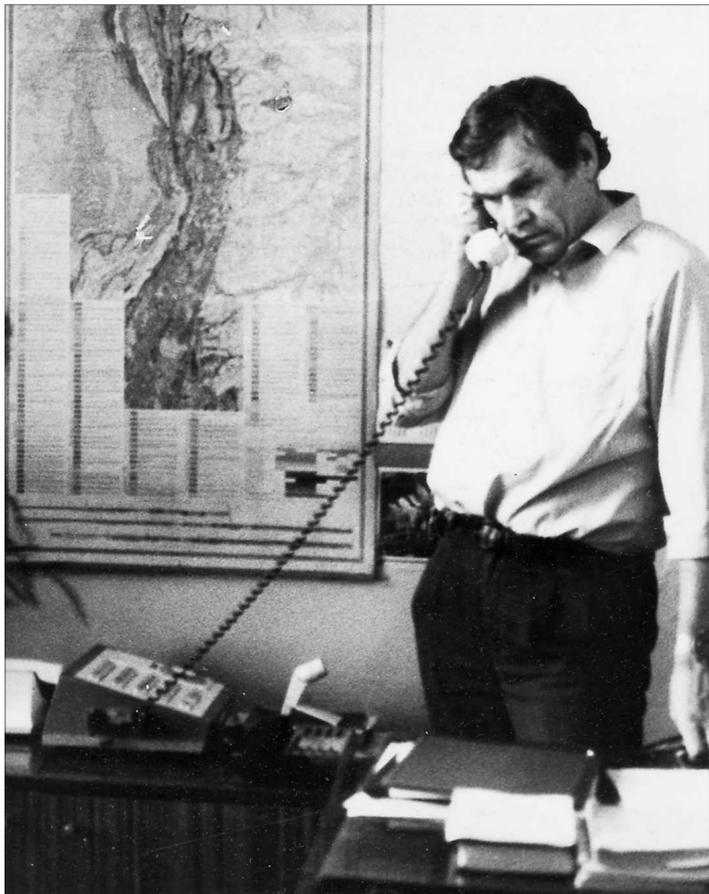
— Происходил слом эпох. Общество мучительно нащупывало новые институты власти. Или вспоминало о подлинном значении и смысле имевшихся. Боролся с компартией, пытаясь возродить народолюбивые через Советы. «Областная газета» ведь стала выходить в 90-м году под названием «За власть Советов!» Ведь так?

— Точно так.

— Кстати, посмотрите на списки первых народных депутатов СССР и России. Действительно люди! Что ни депутат, то личность. Также и на других уровнях. Тогда ещё на выборах не использовались политтехнологии. А потом многие порядочные люди поняли, что с мошенническими приёмами протаскивания кандидатов им путь в политику заказан. О чём нынче депутатскому корпусу говорить не стану, но уверен, для многих из них титул народного избранника, как в пословице, не по Сенке шапка.

— А опыт, приобретенный в геологии, в политической практике вам пригодился?

— Понимаете, геологиче-

Управляющий трестом «Уралцветметразведка» Вячеслав Сурганов: как дела на участках? Вторая половина 1980-х годов

ский поиск всегда устремлён в будущее. Мы разведывали недра не для удовлетворения собственного любопытства, а потому что страна нуждалась в конкретном сырье для конкретных предприятий. Но в то же время, начиная исследование какой-нибудь площади, основываешься на предположениях. И каким будет результат, не всегда понятно.

В политике ситуация, на мой взгляд, схожая. Надо видеть перспективу. Если хочешь, политик обязан быть оптимистом. Иначе зачем его звать? Но, принимая то или иное решение, не всегда возможно спрогнозировать результат. Многие зависят от привходящих обстоятельств.

А вообще меня раздражают разговоры, что, дескать, политика — удел юристов и экономистов. Я своей деятельностью доказал, что это не так. Кстати, многие известные государственные деятели начинали карьеру в совсем в далёких от политики сферах. Черчилль занимался журналистикой, Муссолини два десятилетия редактировал различные газеты и журналы, пока не стал «великим дуче», а Рейган, тот и вовсе был актёром.

В пору моей молодости престижным считалось инженерное дело. А чтобы парень стал бухгалтером... К этому, мягко говоря, относились с непониманием.

— Я слышал, ваш отец был против того, чтобы вы стали геологом. Это правда?

— Правда. Пожалуй, больше мама возражала. Их можно понять. Отца постоянно переводили из одной геологоразведочной партии в другую. Полевской, Верхний Уфалей, Карабаш, снова Уфалей, точнее поселок Черемшанка возле него. Я, пока учился, сменил шесть школ! А у родителей долг и угла своего не было — либо съёмное жильё, либо служебная площадь.

В общем, он говорил мне примерно так. Поступай на «разработку месторождений открытым способом». Что это значит? Карьер, посёлок неподалёку. Будет свой дом, опять же семья всегда рядом, дети под присмотром. Может, со временем дослужишься до директора рудника. Вообще, хорошо! Резон в его словах, конечно, был. Уж он-то поматался за свою жизнь! Но я его не послушал. Стал геологом. И он, по-моему, втайне гордился моим выбором, хотя так и не сказал об этом.

— А военное время помните?

— Отдельными эпизодами. Как в странном кино. Вот течёт серая-серая лента — и вдруг яркий отрывок. И опять серая лента. Начало помню. Отец купил мне велосипед, учил меня кататься. Надо сказать, жили уже в достатке. Патефон и велосипед (а у нас вообще было два) — символ благополучия в то время. Вот учусь я крутить педали, и вдруг кто-то бежит по поселку с криком: «Война! Война!» Всё как-то съезжилось сразу. Велосипед в сторону. Соседский мальчишка, мой приятель, убежал: мол, к осени Красная Армия точно победит. А оно вон как повернулось — беда на четыре года.

Мужиков из геологоразведочной партии всех подчинили забрали на фронт. Отец получил бронь. По здоровью не подошли двое — слесарь-инвалид и кто-то ещё. Остались одни бабы да подростки — в 14-16 лет уже работали, невзирая на возраст.

Почему-то в память врезался такой эпизод. На участке отца использовали лошадей, другого транспорта не было. И вдруг занемогла одна. Задние ноги отказали. Прокрутил, ветеринар, акт... Лошадь пристрелили, мясо в стоволовую, тубуху конюку. У него было много детей. Слыштя какое-то время история повторилась, а там и третья лошадь забилась. Потом дознались: конюх деревянной балдой калечил лошадь, знал, куда бить. И животное ложилось, не могло подняться. Он пытался спасти детей от голодной смерти. Ему дали «десятку» без права переписки. Отец сразу поседел. История то на его участке произошла, а по закону военного времени...

Честным труженикам тыла мы должны низко поклониться, их руками страна вытнула страшное время.

— Вячеслав Сергеевич, вам не кажется, что сейчас мы не только о человеке труда забыли, мы перестали видеть в каждом человеке личность? Человек стал восприниматься как производственная единица?

— При нынешней бешеной жизни человек, на мой взгляд, в нашем обществе выпал из системы ценностей. Помню, как-то разговорился с дедом по материнской линии. Мне лет тринадцать было. Уже после Победы. Дед работал в плавном отделе на руднике. Вот он и говорит, мол, хочу вернуться в церковь, надо помочь людям. Такая страшная война прошла. Столько людей покалечено. И не толь-

ко физически. Большая усталость во всех накопилась. Их и надо отогреть, выслушать, помочь. Так я, кстати, узнал, что дед, оказывается, был священником, его приход разогнали. Хорошо, хоть не расстреляли. В церковь он действительно вернулся. И потом долго служил в Миассе, Челябинске и здесь, в Свердловске, в Ивановском храме.

Так вот. Сейчас, как после войны, человек нуждается в поддержке. Десять лет в прошлом веке я воспринимал как военную пору. Сколько людей потеряли. Чертовщина стяжательства и равнодушие паразитов многих.

Как-то приехал я на кладбище в Полевском, у меня там похоронены родные. И знаете, что меня потрясло? Вижу могилу водителя самоходной буровой установки, который у меня в геологоразведочной партии работал. Между прочим, Герой Советского Союза, безотказный, работавший. Рядом — лежит еще один Герой. Тут же — директор криолитового завода, человек в городе известный. Скромные такие могилки. А чуть поодаль — просто пантеон. Оказалось, местным бандюганам, погибшим в криминальной разбор-

Примечательный кадр: снимок на память с учениками-фриппами на фоне самодельного памятника Карлу Марксу. 1985 год

ке. Что случилось с нашим обществом, если такое возможно? Пора реставрировать нашу нравственность. Важнейшее дело.

— Вячеслав Сергеевич, вы возглавляли областную программу «Родники». Может, это одна из вех на пути к духовности?

— Сначала программу я воспринимал сугубо профессионально. Благоустройство альтернативных источников водоснабжения на Среднем Урале — вот как она задумывалась. И это понятно. Мир уже столкнулся с нехваткой пресной воды. И забота о колодцах, родниках просто необходима, если учесть, что и в нашем озёрном крае качество питьевой воды — вопрос проблематичный. А потом, когда программа стала развиваться в муниципалитетах, она раскрыла другие возможности. Отношение к воде — это модель отношения к миру, к его основам. На Руси издревле к источникам относились с благоговением. И какие-то пласты народной памяти всколыхнулись. Особенно ценно, что к программе подключились детские коллективы — из школ, экологических кружков. Они сделали для себя немало открытий. А область получила около четырех тысяч обустроенных колодцев и родников.

— Наш народ всегда славился именно духовным наполнением, поиском нравственной опоры, начала начал. Почему же так произошло?

— Ориентиры сбились после 91-го года. Заворожил блеск золотого тельца. Но это лишь видимая часть проблем. У нее более глубокие корни. У демократии два фундаментальных принципа — разделение властей и народолюбие. Но между властью и народом — гигантская пропасть.

На излёте перестройки в «Литературке» появилась статья Евгения Евтушенко с говорящим названием «Притерпелось». Очень точно. Народ притерпелся. К казнокрадству, взяточничеству, беспределу чиновников. Самое страшное — глухота власти к потребностям тех, кем она руководит. Нет, я не хочу сказать, что ничего не делается. Делается, и много. Но, к сожалению, вылезают на свет и явные огрехи.

История с реформой Российской академии наук — яркий пример. Реформировать надо, об этом говорят сами ученые. Но сама попытка — пример чиновничьего хамства, непонимания тех проблем, о которых идёт речь. После такого резонансного дела министр образования и науки должен уйти в отставку, как это делается в цивилизованных странах, но у нас такого честного поступка от чиновника высокого ранга не дождался. Спасибо главе государства — он за два дня разобрался в ситуации и при-

нял верное решение. Но ведь так не должно быть.

Наука — область деликатная, неужели нельзя было обсудить всё заранее, с учёными? А подтекст понятен — разделить имущество академии. Видимо, так же, как это случилось в Минобороны. Сердюкову бы табуретками торговать, а он руководил важнейшим министерством. Скандальный финал его деятельности был запрограммирован.

— Сразу возникает множество вопросов, один из них: почему так в России получается?

— На мой взгляд, сейчас заилие непрофессионалов. В любой области. «Протон-М» завалился. Вроде перепутали соединения датчиков. Чем это можно объяснить? Только низкой квалификацией сборщика и отсутствием контроля.

— А каково ваше определение профессионала?

— Профессионал — это великодушный специалист плюс порядочный ответственный человек. Если сочетание качеств нарушено, мы получим либо бездушного прагматика, либо добродушного дурака.

— Вячеслав Сергеевич, что вас больше всего волнует сегодня?

— Как буду жить после своего восьмидесятилетия! (смеется).

А если серьёзно, то жалею, что забуксовала идея создания магниевого завода в Асбесте. Магний — металл будущего. Мы предложили уникальную технологию его получения из отходов асбестового комбината. Такой в мире нет. Реализованный проект, образно говоря, убивал двух зайцев: мы получали ценный материал и перерабатывали техногенные отходы. Проект активно поддерживал Эдуард Россель, в то время глава области. Уже работала опытная установка, но интерес к идее постепенно затих. Надеюсь, что не всё потеряно.

— Вы много лет возглавляли областную Думу. Многие тогда делались впервые. Что в то время было самым важным для вас?

— В девяностые годы мы стояли у истоков регионального законодательства. Причём не только в Свердловской области, мы опережали в этой части другие субъекты Российской Федерации. Нашу деятельность коллеги признавали эталонной. Разве этим нельзя гордиться?

Теперь это трудно представить, но депутатам пришлось начинать с нуля, поскольку никакого опыта просто не существовало. Депутатский корпус был очень пёстрым. Случалось, спорили до хрипоты. Да и амбиций хватало. Тогда я заработал первый инфаркт. Но вперёд — дело двигалось. Мы заложили основы, фундамент, создали работоспособный механизм законодотворческой деятельности. Я считаю, в этом наша безусловная заслуга.

— Вы работали в двухпалатном Законодательном Собрании. Недавняя реформа ликвидировала одну из них. Какая схема, на ваш взгляд, лучше?

— Мировой опыт подсказывает: парламент, состоящий из двух палат, реализован в большинстве демократических стран. Такой подход в большой степени обеспечивает представительство избирателей в законодательной власти. Ротация кадров в Думе позволяла к тому же обеспечивать её преемственность. По-моему, тут допустили ошибку. Мы откатились назад в развитии демократических институтов.

— Сити-менеджерами в городах тоже, на мой взгляд, перереборщили, размозжили ответственность по тарелке. Вроде и спросить не с кого.

— С каким настроением смотрите в будущее?

— Радуюсь успехам сыновей и внуков. Работая для других, я старался и для них. Думаю, они это понимают.

И, безусловно, верю, что Россия преодолет все невзгоды и станет процветающим, сильным государством. Другого варианта просто не может быть.

ДОСЬЕ «ОГ»

Вячеслав Сергеевич СУРГАНОВ

Родился 27 июля 1933 года в г. Бакал (ныне Челябинской области).

После окончания Свердловского горного института в 1956-90 годах работал в различных геологоразведочных организациях — старший буровой мастер, начальник участка главный инженер, начальник геологоразведочной партии (ГРП).

В 1969-90 годах — начальник Уральского геологоразведочной партии (г. Верхняя Пышма), позже управляющий Уральским геологическим трестом «Уралцветметразведка». В разное время работал в группе советских геологов в Гане, Иране, Эфиопии.

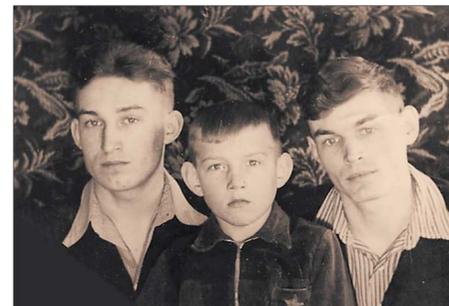
В марте 1990 года был избран народным депутатом РСФСР и депутатом Верхнепышминского горсовета, который затем и возглавил.

В апреле 1994 года избран депутатом Свердловской областной Думы. Затем — заместителем председателя Думы. Через год возглавил Облдуму.

С марта 2000 года — советник губернатора Свердловской области.

Награждён орденами Почёта, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почёта», медалями. Заслуженный геолог РСФСР, Почётный разведчик недр СССР и России.

Почётный гражданин Свердловской области и города Верхняя Пышма.

Братья Сургановы (слева направо): Владимир, Александр, Вячеслав. Верхний Уфалей. 1958 год

Блиц-опрос

— Вячеслав Сергеевич, что больше всего не любите в людях?

— Ложь. Обман во всех формах.

— А, наоборот, что цените в них?

— Профессионализм, честь и достоинство.

— Какие три книги взяли бы с собой на необитаемый остров?

— «Угрюм-река» Вячеслава Шишкова, «А зори здесь тихие» Бориса Васильева, «Живые и мёртвые» Константина Симонова.

— Если бы волшебник смог исполнить три ваших желания, что бы вы у него попросили?

— Только одно: здоровья родным и близким.

— Представьте себе, что вам 18 лет, вы только что окончили школу. Вы бы избрали другой путь? Или пошли бы по старому, повторили его?

— Представить невозможно, поскольку я уже стал другим. Мне грех жаловаться. У меня практически всё получилось в жизни. Я достиг того, о чём никогда не думал. Мне кажется, жизнь сложилась удачно, она была эффективной во многих смыслах.

— Вы о чём-нибудь сожалеете?

— Нет. Может быть, иногда не всё получалось так, как хотелось бы, но из этого делал выводы. Если что-то неладно, спрашивал с себя. И двигался дальше.

— Есть ли у вас жизненный принцип, которому вы постоянно следуете?

— Оставаться человеком.

— Если бы сейчас вам предоставили возможность обратиться ко всем россиянам, что бы вы им сказали?

— Мы живём в лучшей стране мира, располагающей несметными богатствами. Чужая страна стала сильной, мы должны помогать друг другу. Бесконфликтно разрешать национальные и религиозные противоречия. И главное — уважительнее относиться друг к другу. Берегите тех, кто рядом.

Охотой Вячеслав Сурганов увлекался с юности

Сегодня Вячеславу Сергеевичу Сурганову — 80 лет. Редакция «ОГ» поздравляет юбиляра и желает ему всего самого лучшего в жизни.